

КОГДА Я СТАНУ ВЕТРОМ

ИРИНА МЕТЛИНА

Ирина Метлина

Когда я стану ветром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48416312

ISBN 9785005057167

Аннотация

КОГДА Я СТАНУ ВЕТРОМ Сон или явь, воспоминания или мечты? Почему эта дикарка Санда проявляется в жизни Алены? Только разгадав эту тайну, собрав все частички своей души, ввязавшись туда, куда «нормальные люди» не ввязываются, Алена Сергеевна получила то, о чем мечтала. Она стала Ветром.

Когда я стану ветром

Ирина Метлина

© Ирина Метлина, 2019

ISBN 978-5-0050-5716-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девушка стояла на краю скалы с закрытыми глазами и вдыхала ветер. Ее ноздри изредка подрагивали, наполняя легкие новой порцией воздуха. Руки опущены, голова чуть запрокинута, чтобы лицом к лицу быть с солнцем. Губы сомкнуты в едва уловимой улыбке. Кажется, ничто вокруг не мешает ее связи со стихией. Она, как продолжение скалы, как ее высшая точка, открыта и ветру, и солнцу. Все остальное в этом мире сейчас не важно.

День подошел к своему завершению. Вечернее солнце, нежно касаясь своими лучами, позолотило бронзовую кожу девушки. От этого она стала похожа на статуэтку. Невысокая, точеная, изящная в мельчайших деталях, с длинными черными волосами, струящимся по плечам спине, в яркой цветастой юбке и босыми ногами. Лоскуты юбки послушно повинуются дыханию ветра. Легкая ткань, кажется, игриво флиртует с порывами ветра, дразня его, пряча в своих склад-

ках фигуру своей хозяйки. Ветер не унимается, он как шаловливый мальчишка, вновь и вновь хватается подол, балуется и дразнит. Но эта игра снаружи, а внутри девушки тишина и покой. С каждым вдохом ее тело наполнялось спокойствием и свободой.

– Когда-нибудь я тоже стану Ветром, – прошептали ее губы. Эта мысль, внезапно возникшая из ниоткуда, была такой ясной и понятной, что даже не появилось сомнения в том, что может быть по-другому. Эта мысль мгновенно, как вечерний туман, расстилающийся по реке, стала растекаться по всему телу.

– Да, когда-нибудь я тоже стану Ветром, – теперь уже утвердительно и громко произнесла девушка вслух. Радость и спокойствие разлились по ее жилам, и сердце застучало громче. Теперь она точно знала, что когда-нибудь станет Ветром. Санда подняла веки. Золотой свет наполнил ее глаза, проник внутрь, соединяясь с сердечными ритмами. Следом она впустила в себя звуки, и волна внешнего мира слилась с ее внутренним миром. Она вернулась из Себя в Этот мир.

Она огляделась вокруг. Здесь все привычно, все знакомо до мельчайших деталей. До края скалы два шага, и дальше обрыв. Большие пласты горной породы будто вздыбились, будто однажды их что-то вытолкнуло из земли. Какая-то неведомая исполинская сила заставила огромные массы гра-

нита в неестественной позе стоять сотни лет, подвергаясь ударам ветра, потокам дождя и изнывать от жары.

Кривая одинокая сосна каким-то чудом примостилась на самом краю слева. Она так хотела жить, так хотела быть здесь на высоте, что изо всех сил цеплялась своими руками-корнями за край скалы. Много лет ветер пытался сломить эту гордючку, изогнул ее спину, обломал ее сильные ветви. Но она все держится, все тянется к солнцу, смирившись со своей некрасивой осанкой и нелегкой жизнью.

Санда перевела взгляд вдаль, туда, где ей улыбается солнце. Каждый день девушка приходит сюда на закате солнца. Похоже, это место известно только ей. Ни разу Санда здесь никого не видела, и сама никому не рассказывала про него. Здесь тихо и красиво. Никто не мешает ей мечтать и любоваться красотой этих мест. И всякий раз происходит какой-то магический ритуал, в котором участвует она, солнце, и ветер. На несколько мгновений девушка сливается с ними, и они наполняют ее радостью и силами.

Край скалы, на котором стоит Санда, возвышается высоко над долиной. Там внизу, ближе к скале густой лес. Огромные деревья- великаны, словно охранники, неприступно стоят у подножия скалы. Сюда подняться можно по едва различимой тропинке, начало которой теряется где-то ниже в зарослях туласи. Еще дальше, за ореховой рощей приютилась ее родная деревня. Далеко вокруг не встретишь больше поселений.

Деревенька небольшая, очень уютная, с ладными домиками под камышовыми крышами и глиняными стенами. Никто не помнит, как давно здесь поселились первые жители. Кажется само собой разумеющимся, что они жили здесь всегда, и будут жить здесь всегда. Высокие, крепкие телом, ловкие, с черными волосами, и черными, как ночь глазами. Они – часть этой земли. И Санда тоже часть этой земли, часть этого народа. По ее жилам течет их кровь, она носит имя своего народа – Санда.

– Но, все же, интересно, а что там за той полосой земли, куда уходит солнце?

Санда еще немного постояла, размышляя об этом, а потом начала спускаться в долину, быстро и бесшумно скользя вниз. Сегодня ее движения особенно легки, словно она наполнилась свойственной ветру летучестью. Ее глаза сегодня по-особенному блестят какой-то радостью, а губы хранят таинственную улыбку. Она получила сегодня важную весть, в добавок к порции свободы, которую ветер дарит ей каждый день на закате в момент их единения. Санда возвращается в долину в свою деревню. Но теперь она знает, что когда-нибудь она станет Ветром.

Я почувствовала, что просыпаюсь. Глаза еще не открылись, но звуки извне стали проникать в мое сознание. Вот лифт поехал вверх. А это дверца машины хлопнула во дворе. Дворник, похоже, метлой шаркает по асфальту. Реальный мир бесцеремонно вытеснил собой горную дорожку, по ко-

торой спускалась Санда.

Сон растаял, уступив место новому дню моей жизни. Словно поняв, что я проснулась, начал заливаться птичьими трелями будильник. Противный. Это какие-то адские птицы! Неужели какие-то птицы реально так поют? Надо сменить музыку. Сегодня же. Так я говорю себе каждое утро, но этот сигнал- реальная гарантия того, что его-то я услышу. Поспать я люблю. Мама говорит, что можно из пушки стрелять над моим ухом, и я не проснусь. А вот этих птиц я слышу.

Я еще немного полежала неподвижно, словно пытаюсь остаться там во сне, сопротивляясь необходимости подняться и выключить будильник. Но фокус не прокатит, так все соседи проснутся. Надо вставать!

На автопилоте я прошаркала на кухню. Свет. Радио. Турка. Глаза по- настоящему открылись, лишь когда нос почувал аромат кофе. Запах кофе- это запах утра. Это запах нового дня. Запах надежды на новую жизнь нового дня. Я медленно смаковала терпкий, с горчинкой и привкусом имбиря любимый напиток и вспоминала картинки сна. Бронзовая дикарка Санда на краю обрыва. Ощущение ветра на лице...

– Господи, где это было? В каких краях? Может это Перу или Бразилия, а может Индия? И было ли это в реальности?

Я закрыла глаза и повторила движение Санды- втянула воздух своими ноздрями...

– Когда-нибудь я стану Ветром...

Почему этот сон повторяется? Я никак не могу разгадать его смысл, он всякий раз ускользает, оставляя в душе смутную тревогу и ощущение чего-то хорошо знакомого, но очень забытого. Может я в прошлой жизни была Сандой? Я улыбнулась, представив, как моя подруга сказала бы:

– Опять ты со своими фантазиями!

– Не знаю, может фантазии, а может воспоминания...

Кофе допит, дальше по привычке – умываться. Сегодня обычный день, который, скорее всего, ничем не будет отличаться от вчера, и возможно, от завтра. Я, как и тысячи других людей просыпаюсь, чтобы идти на работу, чтобы провести там целый день, и уставшей притащиться вечером домой. Порой мне кажется, что работа, занимает все мое время, а радости жизни, ради которых я работаю, остаются, все также, призрачно недостижимы. Дни сплетаются в недели, недели в месяцы, пролетают зимы и осени, но я их не вижу, потому что я работаю.

– Грустненько как-то Алена Сергеевна, утро Вы начинаете, – заметила я сама себе.

– И, правда, чего это я?

Я уставилась на отражение в зеркале. Ничего нового. Легкие кудряшки химической завивки соломенного цвета. Изящные тонкие губы. Зеленые глаза, еще не совсем раскрывшиеся после сна. Несколько морщинок в уголках глаз.

– Да, зеркало, ты не молодеешь...

Я подмигнула своему отражению, выдавила улыбку и взя-

ла зубную щетку. Ровно 2 минуты я тщательно гоняю ее во рту, фанатично вычищая притаившихся там микробов. Моя подруга Илиза, очень правильная во многих отношениях дамочка, читала нам со Светкой лекцию про то, как правильно чистить зубы. Смешно, конечно, но теперь всякий раз, выдавливая пасту на щетку, я слышу ее металлический голос:

– Две минуты. Ни меньше! Вы же не хотите лишиться своих зубов, девочки?

– Когда-нибудь я стану Ветром, тогда мне не надо будет чистить зубы! – проямлила я, борясь со щеткой. Я вспомнила Санду и улыбнулась:

– И тогда я не буду ходить на работу! Господи, как я ей завидую! Ее дикой жизни, ее свободе. Я тоже хочу стать ветром!

При этой мысли мои брови вздернулись, а нога приготовилась топнуть. Ни дать, ни взять, капризная принцесса. Вообще-то капризной принцессой я никогда не была. Наоборот, всегда была хорошей девочкой. Все время что-то делала, чему-то соответствовала, оправдывала надежды учителей, ожидания мамы. А вот теперь, здрасьте, хочу стать ветром!

Я ехала на работу, пережевывая остатки сна и веселясь при мысли, о том, что я когда-то стану ветром. Встану однажды, брошу все и улечу, став ветром. Мысль о том, как это случится в деталях, я отгоняла, потому, что она грози-

ла разрушить как несостоятельную радужную перспективу стать ветром. Как говорила Скарлетт, я подумаю об этом завтра...

День завертел меня суетой и заботами. Все как в знакомой компьютерной игре – знакомый маршрут, привычные дела, привычные люди. И так день за днем, уровень за уровнем. Все как обычно.

Я старший менеджер в крупной торговой фирме. Мое дело – документы: договора по продажам, аренде, различные соглашения и расторжения. Непыльная, в общем-то, работа, но и не особо интересная. Лишь изредка, когда готовится новая сделка, или попадается новый контрагент со своими выкрутасами, вот тогда становится интересно. В офисе тогда начинается, как говорит, наш главный бухгалтер, «всеобщий чёс». Кажется, что даже температура воздуха в офисе поднимается, все говорят и думают только о предстоящем контракте. Я хороший специалист. Мои документы всегда в порядке. Я чутко улавливаю подводные камни ситуаций, которые потом могут обернуться нашей компании боком в случае плохо продуманного договора. Поэтому ко мне на контрольную читку несут все документы, даже, если ими занимаются другие менеджеры.

– Алена Сергеевна смотрела? – спрашивает шеф, перед тем как подписать договор. Поначалу мне льстило такое отношение, я чувствовала себя Мастером своего дела. А потом это стало обыденностью. Ну, да, Мастер. И что даль-

ше? А дальше – ничего не может быть. Это предел развития на моем рабочем месте.

Дни незаметно пролетают – девять утра, шесть вечера; понедельник, пятница. Я исправно играю в эту игру, в надежде, что вот еще немного, и начнется новый уровень с призами и дополнительными жизнями. Но новый уровень все никак не начинается...

Усилием воли я заставила себя смотреть в монитор, чтобы хоть с третьей попытки дочитать письмо клиента. Первые две попытки были неудачными, потому что всякий раз «зависаю», уходя в свои мысли. Я здесь, и не здесь... или там, на горной тропе...

Игра под названием «Работа» отпускает только вечером. И то не всех. И не всегда. Порой, засиживаясь допоздна, составляя деловые письма и контракты, я понимаю, что намеренно нагружаю себя работой, чтобы было оправдание не идти домой. Там меня никто не ждет. Пусто. И все время – одно и то же. Ушла, пришла, ничего не поменялось. Тошно. Но правила устанавливаю не я, и охранник, громко хлопая дверями, объявляет, что закрывает здание.

– Алена Сергеевна, давайте уже домой! Вас, небось, ждут уже дома.

Милый старик Петрович даже не догадывается, что такую как я, могут не ждать дома. Как говорят, не сложилось.

– И как Ваш муж терпит такое, что Вы тут до полночи сидите?

Мне приходится быстренько сворачиваться и освобождать пространство.

Я сижу в холодной машине и жду, когда стрелка сдвинется, сообщив мне, что двигатель согрелся, и можно трогаться. Холодно. Зубы стучат мелкой дрожью. Я зажмурилась, пытаюсь согреться. Вот так вот и замерзают люди. Закроют глаза и засыпают...

– Одна в холодной машине. Тридцать шесть лет, не замужем, и никогда не была, и, может, не буду... Захотелось еще сильнее зажмурить глаза. Может заплакать, и стать маленькой, и чтоб кто-то пожалел... Так не пойдет. Давай с другой стороны.

– Свободная, молодая, симпатичная женщина сидит в хорошей машине.

Я глубже втянула плечи в теплый воротник, так, наверное, птенец вжимается в гнездо, чтобы спрятаться. Затихарилась. В морозном нутре автомобиля от меня остались подвижными только глаза. Я открыла их и бесстрашно начала рассматривать мир за стеклом.

Морозный вечер давно вступил в свои права. Прохожие, так же как и я, закутались в шарфы и воротники. Все торопятся по своим делам, пробегая мимо, даже не замечая одинокую женщину внутри автомобиля.

Долгожданный снег щедро сыплется с неба. В свете фонаря видно, как медленно и безмолвно падают снежинки. Я подняла глаза вверх навстречу снежинкам, оседавшим на ло-

бовом стекле, и вспомнила картинку из детства. Если стоишь под фонарем и смотришь вверх на падающий с неба снег, то кажется, что ты летишь вверх, сквозь звезды. Красотища! Мои губы расплылись в улыбке. Сверху, как в детстве сыплются звезды-снежинки, а я и сижу в холодной машине, нахохлившись, в теплом гнезде-воротнике, смотрю на них и улыбаюсь...

...Она сидела, прислонившись к стене своего дома, смотрела на звезды и улыбалась. Их бесчисленное множество, ярких и тусклых, крохотных и крупных, белых, желтоватых и голубых. Небо казалось волшебным, усыпанным блестящими бусинами. Красиво.

Санда разглядывала небо. Она не переставала ему удивляться, восхищаться его величием и непостижимостью. Оно всегда разное, живое. Ночь наполнилась своими особенными звуками, шорохами, голосами ночных птиц и редкими криками ночных обитателей леса.

– Как это – стать Ветром? – задала сама себе вопрос девушка.

Вернувшись со скалы, остаток дня Санда ходила и молчала, бесчисленное количество раз возвращаясь к этому вопросу. Она прислушивалась к себе, силясь услышать и другие послания. Но больше ничего необычного не произошло. О том, что это был голос с небес, Санда не сомневалась. И что ей теперь с этим делать? Должна ли она что-то изменить в своей жизни?

– Может рассказать старику Вардео и попросить его растолковать? А если он разгневаётся, скажет, что она думает о глупостях?

Она представила черные глаза шамана. Эти глаза способны просверлить насквозь, когда он сердится. От этой мысли Санде стало страшно. В животе что-то свернулось и похолодело. Она замерла, прижавшись к стене дома, дыхание ее стало тихим и медленным.

– Нет, я не буду никому рассказывать. Она резко встала, посмотрела еще раз на звезды и направилась спать.

Но сон долго не шел к ней. Санда лежала, потихоньку ворочалась, чтобы не разбудить старика Вардео. Ей казалось, что ее сердце так громко бьется, что его слышат все в деревне, а ее мысли так громко звучат в голове, что звезды, наверное, их слышат. Лишь под утро она уснула.

Санда любила утро, и просыпалась вслед за солнцем, когда его лучи еще были робкими и нежными. Они путались среди веток деревьев, несмело пробивались сквозь утренний туман, часто опускавшийся на деревню, освещая дорогу новому дню. Это всегда происходило одинаково. На рассвете откуда-то издалека появлялся неопределенный гул, потом он рос и приближался. От неизвестности, если не знать, что это, начиналось беспокойство. Гул все ширился, становился каким-то неотвратимым, стремительным и всеобщим. А потом приходило понимание, что это ветер проснулся! Он вихрем врвался в лес, будя по пути птиц, раскачивал верхуш-

ки деревьев, и разгонял остатки сна. Все просыпалось, становилось легко и радостно! Ветер окончательно разбрасывал остатки ночного тумана, помогая солнцу занять весь мир. Просыпались птицы, звуки, запахи, люди в деревне. Просыпался весь мир!

– Вот блаженствоооо! Я и солнце, и больше никого в этом мире! Ну, еще конечно, море должно быть...

Я поправила солнечные очки, удобнее устраиваясь в солярии, теща себя грезами о море и солнце. Да, я хожу в солярий, хотя моя мама категорически против всех этих косметических ухищрений. Я отчетливо увидела ее лицо и приподнятыми нахмуренными бровями и руку, приложенную к сердцу.

– Мам, ну, почему вот даже здесь в солярии, я слышу твой голос? Неужели я никогда не освобожусь от всевидящего маминога ока? Не порти мне, пожалуйста, солнце и море!

Иногда по выходным я устраиваю себе какой-то праздник для души или тела. Сегодня очередь тела. Снег валит вторые сутки, поэтому прогулка в парке сулила превратить меня в снеговика. Да, и доехать до парка тоже проблематично, дороги превратились в снежные поля. Моя машина, рассчитанная на комфортные городские дороги, вряд ли прорвется сквозь сугробы. Даже тракторов и снегоочистителей что-то не видать, куда уж мне с моей машиной рисковать.

– Поэтому к солнцу и теплу! – решила я, направляясь

к ближайшему от дома солярию.

– Эх, мама, конечно, я с удовольствием лучше растянулась бы на морском песочке где-нибудь на Бали или Мальдивах, а не в солярии. Ну, или в Сочи, на крайний случай, как в детстве.

В детстве мы с родителями несколько раз были на море. Мама любила Сочи. Ей нравился этот шумный город, пестрящий яркими красками, лицами советских знаменитостей, прикативших на отдых, пышными концертами и респектабельными отдыхающими. Я была маленькой, мне было абсолютно все равно, как называется город, и его плюсы и минусы. Меня радовало море и мороженое, которое папа покупал мне без ограничений. В то время, когда мама не видела, конечно. Она каким-то необъяснимым образом потом догадывалась, что все правила нарушены, позволены вольности, и нас с отцом ждало наказание. Да, мама моя кремень, и такой была всегда, сколько ее помню.

Санда не помнила своей матери. Ее мать покинула этот мир, едва девочка издала первый крик, наполнив свои маленькие легкие воздухом. Мать улыбнулась, услышав дочь, и замерла с блаженной улыбкой на устах. Так и ушла она в Мир Духов, измученная тяжелыми родами, но счастливая от того, что смогла подарить миру новую жизнь. Иногда Санда пыталась представить, как выглядела ее мама. Но всегда ее лицо получалось в воображении похожим на какую-нибудь женщину из деревни.

Отец девочки был отличным охотником, отважным и уважаемым. Его называли Сохе. На теле и лице Сохе виднелись шрамы, полученные в тяжелых схватках с дикими зверями. Он был немногословен и нелюдим, детвора в деревне побаивалась сурового взгляда охотника. Но, говорят, даже Сохе плакал, когда тело жены, умершей так внезапно, проглотил погребальный костер, обливаясь красными жадными языками.

Подрастая, Санда, по словам соседей, все больше становилась похожей на свою мать. Она не была красавицей, но что-то в ней было особенное. Была в ней какая-то кошачья мягкость и пластичность. Ее движения были ловкими и точными, а походка скользящей. Взгляд ее черных, как смоль глаз, приковывал к себе, затягивая в бездонную черноту. Говорят, ее мать мало говорила, только по делу, но в ее голос был красивым и мелодичным, струился, словно мед, стекающий по стволу дерева.

Тонкая янтарная нить меда струится с ложки вниз... Я, как загипнотизированная, смотрю в чашу, до краев наполненную медом. Он такой солнечный, прозрачный, излучающий волшебный аромат. Хочется протянуть руку и зачерпнуть эту янтарную массу, поднести к губам и ощутить сладость лета на губах. Мои губы расплылись в блаженной улыбке.

– Пробуйте! Мед – это полезно! Мед от всех болезней и печалей! Вам надо!

Бойкая торговка протянула мне палочку, чтобы я, наконец, вкусила ее меда и сделала покупку. Я, повинувшись ее указанию, зачерпнула палочкой сладкую массу и поднесла к губам... Липовый...

– Липовый. Чай будете дома пить с мужем, радоваться будете! Берите!

– Нет у меня мужа, не с кем чай пить, – констатировала я, облизывая палочку.

– Так был бы мед, а пчелы найдутся! На такую красотку! А вот ты возьми меда, чашку купи для мужчины в дом, и он найдется. Поверь мне, я знаю!

– Откуда ж он найдется? Хорошие давно все женаты, а плохого мне не надо. Ищи их как ветра в поле!

– Ветра искать не надо, он сам прилетит! А меда-то возьми. Хочешь липовый, хочешь гречишный, а вот еще цветочный!

Я поняла, что без меда мне не уйти. Да и тетка мне понравилась, такая душевная, простая, захотелось с ней согласиться. И чашку захотелось купить. Чтоб была. А вдруг и вправду прилетит? Вот так с ярмарки меда я плавно потекла в хозяйственный магазин за кружкой.

– Ну, а что? Придет Он, а у меня и кружка для него уже есть!

– Дурында, каких свет не видывал! – констатировала я. – На глупости повелась, чашку потащила покупать! Вот она теперь на столе передо мной стоит. Синяя, пузатая, важная,

с золотыми полосками.

Я зачерпнула липового меда и отправила ложку в рот.

– Летоооо. Ах, лето, лето звездное, будь со мной!

Я закрыла глаза и замерла в наслаждении. В это время порыв ветра распахнул форточку. От неожиданности я сильнее зажмурила глаза. Перед глазами возникла утренняя торговка:

– Возьми меда, он и прилетит!

– Сквозняк прилетел! – ответила я утренней торговке.

– Ну, ладно, милый, я поняла, что не сегодня. Приглашу тогда девочек на чай, если ты не против.

Мне стало весело. Может с ума схожу? Разговариваю сама с собой по ролям. Я достала телефон и стала вызывать своих подруг на чаепитие. Они долго сопротивляться не стали, обещали быстро прилететь на медок. Отлично, культурная программа на вечер организована!

Мы – это я, Элиза и Света. Мы познакомились еще в институте на первом курсе юрфака, и дружим до сих пор. Мы настолько разные, что все всегда удивлялись и до сих пор удивляются – как мы можем понимать друг друга и столько лет дружить? Может это и необъяснимо со стороны, но мне кажется, что наша дружба от бога. Он нас свел, потому что иначе и быть не могло. И даже, если порой мы бывали далеко друг от друга, то ощущение, что ты не одна никогда нас не покидало.

Странно, но сегодня у Санды было ощущение, что она

не одна на этой скале. Внешне все как обычно- вечер, долина, залитая золотым светом уходящего солнца, край утеса, на котором она каждый вечер провожает солнце. Но ее не покидает чувство, что за ней наблюдают. Она оглянулась. От цепкого кошачьего взгляда не укрылась бы даже малейшая деталь, говорящая о присутствии непрошенных гостей. Но никого не видно вокруг. Даже ветер, ничего не замечая, все так же игриво и нежно ласкает ее загорелое тело. Ему нет никакого дела до ее беспокойства. Он свободен, ему ничто не страшно, он рад чувствовать Санду!

Санда старалась отогнать ощущение тревоги, но это плохо получалось. Ее звериное чутье, которое вероятно досталось от отца охотника, говорило, что не время сейчас расслабляться, надо быть начеку. Она еще немного постояла, провожая взглядом красные лоскуты солнечного света, струившиеся от горизонта по долине, потом, резко развернувшись, направилась к спуску с горы. Она шла медленнее обычного, вся превратилась в зверя, который улавливает звуки и детали, попадающие ему на пути. Вот шуршит трава под ногами, вот ручей вдали потихоньку переливает свои хрустальные струи, вот ласточки высоко под облаками пронзительными писканиями пугают вечерних мух. Ничего странного не уловил ее обостренный взгляд и слух. Но она точно знала – за ней наблюдают.

Скрыться! Быстрее отсюда! Стремительно убежать в безопасное место! Метнуться быстрее молнии туда, где живут ее

родные люди! Она уже было поддалась этому порыву, но что-то ее остановило. Любопытство или безрассудство заставили сдержать шаг, изобразить на лице маску спокойствия в то время, как ее сердце буквально вырывается из груди от страха.

Словно дикая черная кошка Санда продолжала грациозно ступать по тропинке. Она призвала все свое мужество, изображая безмятежность. Но как осторожная кошка, она была готова в любую секунду пуститься наутек, не разбирая дороги, путая следы, и спасая свою жизнь от преследователей. К счастью, ничего такого не произошло, и через некоторое время, когда внизу показались огни деревни, пропало ощущение чужого присутствия.

– Они остались позади, – решила Санда. Или это показалось? Так или иначе, она не намерена никому отдавать свое место на обрыве! И завтра она снова пойдет провожать солнце!

– А вот фиг тебе! – я не стала уступать наглому мужику в Форде, приклеившемуся ко мне сзади. Я его заметила еще на прошлом светофоре. Он еще там метался и суетился, без дела перестраиваясь и сигналив соседним машинам. Я иногда бываю чертовски упряма. Особенно, меня раздражают вот такие нахалы на дорогах. Я хороший водитель, езда за рулем мне доставляет наслаждение, но такие типы это наслаждение портят. В такие минуты во мне просыпается внутренний мужик, который встает на мою защиту. Он берет руль

в свои руки, надвигает кепку на лоб и начинает тягаться с нахалами на дороге. Вот и сейчас, я вдавила педаль газа в пол и оставила позади этого мужика на Форде.

– Это моя дорога. И я тебя не боюсь.

Машина послушно и радостно понеслась со всей мощи, почувствовав дозволение показать всю свою прыть. Мой внутренний мужик в кепке довольный произведенным эффектом, ухмыльнулся и передал руль мне:

– Так-то, детка, дальше сама!

– Даже если я выйду замуж, и мой муж будет самым лучшим гонщиком на свете, я все равно буду сама водить машину. Это будет одним из условий свадебного контракта! – то ли себе, то ли внутреннему мужику сказала я.

– Конечно, как скажешь! – с ухмылкой ответил он мне, отворачиваясь к окну.

– Ну, и договорились. Понимаешь, управлять автомобилем- это как управлять судьбой. Это свобода, это собственные решения, это выбор маршрута, это преодоление препятствий и взаимодействие с другими участниками движения. Это жизнь! Да-да, это модель жизни! Меня, аж, подбросило от этого осознания! Я за рулем-то совсем другая, не такая как в жизни! Я подмигнула моему внутреннему мужику, притихшему на пассажирском сиденье.

Сегодня в деревне царит радость и оживление- сегодня День Духов. Целый день идет подготовка к празднику. Мужчины вернулись с охоты и принесли с собой хорошую добы-

чу. По этому случаю на кострах готовятся угощения, люди громко разговаривают, деловито суетятся, выполняя свои дела. Кажется, что даже собаки разделяют всеобщую радость, крутятся вокруг, весело машут хвостами и ждут своей порции угощений.

Санда любила возиться с собаками. Она каким-то волшебным образом понимала их, а они понимали ее. Ее любимец Валу - крупный серый кобель, очень напоминающий волка. Отец выбрал из помета своей охотничьей собаки самого смышленного щенка и подарил его Санде. Она выкормила, а отец научил пса разным охотничьим премудростям. Валу, так назвала его Санда, верный защитник и друг, сопровождающий ее повсюду.

Пес спит, или делает вид, что спит. Но на самом деле Валу лениво наблюдает за жизнью в деревне. Больше всего его, конечно, интересует Санда. Он всякий раз поднимает морду, почуяв, что хозяйка куда-то собирается идти. Взгляды их пересекаются, и псу становится ясно – надо сопровождать хозяйку или нет. Такая защита обнадеживает и веселит Санду одновременно. Она вселяет в девушку уверенность в безопасности и понимание того, что у нее есть друг, который понимает ее с одного взгляда.

Обычно Валу не устаивался чести сопровождать Санду на скалу, куда она ускользала, чтобы проводить солнце. Это была ее тайна, на которой присутствовали лишь солнце, Санда и ветер. Но сегодня девушка решила взять своего вер-

ного защитника с собой. Она вспомнила вчерашнее неудобное ощущение чужого присутствия и решила, что надежный друг сегодня будет очень даже нужен.

Девушка свистнула, призывая пса, ласково потрепала ему загривок и позвала с собой. Валу радостно закрутил хвостом и посеменял в нужном направлении. Отбежав немного вперед, он остановился, чтобы убедиться, что хозяйка следует за ним, а убедившись, снова припустился вперед. Пес был хорош собой. Он явно был лучшим представителем своей породы. Сильный, ладно сложенный, умный, хитрый, наблюдательный и преданный. Он очень походил на волка своей окраской, отдельными повадками, и Санда не была уверена, что ее пес чистокровный пес. Девушка шла за ним, наблюдая, как мелькают его лапы и хвост впереди. Этот пес спас ее от горя, когда отца не стало, стал ее другом и защитником.

В вечерней суете никто не заметил, как девушка растворилась на краю деревни. Быстрыми бесшумными шагами она устремилась в одной ей ведомом направлении. Когда деревня осталась позади, Санда приказала псу идти рядом. Он послушно усмирил шаг, подстроившись под темп хозяйки, и весь превратился во внимание. Его ноздри расширились, в попытке уловить чужие запахи. Он то и дело поднимал голову вверх, втягивал воздух, прислушивался, наострив уши. Иногда он посматривал на Санду, словно говоря ей, что все в порядке, волноваться нет причин. Санда с облегчением и благодарностью кивала псу и шагала дальше уверенно

и спокойно.

Они поднялись наверх, преодолев подъем по тропинке. Дальше через несколько шагов за кустами орешника начинается открытая площадка, с которой видна долина.

– Валу, жди здесь, – тихо сказала Санда, указав рукой место.

Пес было дернулся идти за ней, но строгий взгляд черных глаз дал понять, что дальше она пойдет одна. Повинуясь, Валу лег на траву, но всем своим видом изобразил непонимание и недовольство. Он положил голову на лапы, но глаза не стал закрывать, чтобы наблюдать за своей хозяйкой. Он видел, как она удаляется, слышал легкий шорох ее ног и был готов в любой момент броситься ей на помощь.

Солнце встретило девушку красным воспаленным взглядом. Санда посмотрела на небосвод. Багрово-сизые облака, скорее напоминавшие тучи, густо клубились на горизонте слева. Будто стадо каких-то огромных, грязных чудовищ, измазавшихся в крови, стремительно приближается к долине в поисках новых жертв. Ветер, неистовыми порывами гонит тучи в долину отовсюду, где только смог их заметить. Сопrotивляться ему бесполезно, и тучи, повинуясь, плывут в долину, толкаясь, и наползая друг на друга.

Санда закрыла глаза и замерла. Здесь на вершине ветру ничто и никто не мешает, и он набросился на нее со всей мощью. Он хватает ее одежды, бьет резкими струями в лицо, путает волосы и бусы. Тело, словно тростинка, колыхается,

едва храбро выдерживая порывы ветра.

– Что ты хочешь сказать мне, ветер? – спросила она, едва слышно.

Но в ответ ветер только бросил в нее новую порцию резко-холодного воздуха. Девушка открыла глаза. Красные чудовища начали пожирать солнце. Скоро они его проглотят. И, похоже, будет гроза.

Чувствуя приближение опасности, все живое затихло, прятавшись в свои норы и гнезда. Санда поняла, что не стало слышно даже суетливых ласточек, обычно радостно и беспечно носившихся в небе. Тревожность и запах грозы повисли в воздухе, вытесняя все остальное. Участвуя в этой игре, или, вернее, являясь ее заводилой, ветер продолжает неутомно носиться, пригоняя новых и новых чудищ дождевых облаков.

– Гроза- это хорошо, – решила Санда. Гроза всегда приносит очищение. Надо только успеть вернуться домой.

Она взглянула еще раз на несчастное солнце, ставшее жертвой ненасытных багряных чудовищ, и пошла прочь. В детстве она очень боялась грозы. Ей казалось, что будто небо падает на землю, а яркие вспышки молнии могут пронзить ее насквозь.

– Ах, как это было давно...

С тех пор, как ее отец однажды не вернулся с охоты, прошло уже больше пяти лет. Тогда ей шел тринадцатый год. Жизнь распорядилась так, что ей суждено было остать-

ся совсем одной. Санда мужественно выстояла все ритуалы прощания, которые шаман провел, чтобы душа отца ушла на небеса. Потом Санда долго и тихо плакала от того, что ощутила холодную пустоту вокруг себя. Самое страшное, что ей казалось, будто эта пустота будет теперь с ней навсегда. Только горячие слезы согревали ее в этой пустоте. Они текли, не повинуюсь ни голосу разума, который говорил, что для охотника смерть на охоте – это благо, они текли, не повинуюсь добрым словам старика шамана, который взял девочку в свой дом, под свою защиту. Слезы текли и текли, пока, наконец, все не кончилось.

А однажды девочке приснился отец. Он стоял высокий и сильный, как всегда суровый и молчаливый, на краю деревни и показывал Санде на скалу. Потом он улыбнулся, повернулся и зашагал по тропе в лес. Она отчетливо запомнила его улыбку, потому что в жизни он не улыбался, наверное, с момента смерти своей жены. Лук и стрелы за плечами – последнее, что запомнила Санда. И направление, куда указывала его рука, привело однажды ее на скалу.

Пес терпеливо ждал Санду в указанном месте. Он радостно завилял хвостом, почуяв девушку, и с готовностью поднялся, чтобы сопровождать ее в обратный путь. Никого чужого сегодня не было.

– Может мне вчера показалось?

Она добралась до дома, когда первые крупные нетерпеливые капли дождя уже начали сыпаться на землю. Ей бы-

ло немного жаль, что ничего необычного сегодня не произошло. Хотя кто знает, может это и хорошо, что не произошло.

Айрек был разведчиком. Он был тенью, бесшумно скользящей по лесу и появляющейся внезапно, из ниоткуда. Он умел раствориться в траве, умел слиться с рекой, умел сделать так, что глядя на него, вы будете думать, что никого здесь нет. Молодого разведчика ценили и доверяли ему самые сложные задания. Кроме физической силы и выносливости, Айрек обладал неординарным умом и смекалкой. Айрек с гордостью носил свое имя «ветер», и в свои юные годы уже прославил это имя. Он был хорош собой, не одна девушка вздыхала, украдкой наблюдая за ним, и тайно мечтала о том, чтобы он выбрал именно ее.

Айрек улыбнулся, провожая взглядом красивую девушку. Сегодня она его не почуяла. Это хорошо. Еще рано.

Я не люблю Новый год. Эта нелюбовь кажется неправильной с точки зрения нормального человека. А я не люблю Новый год. И поэтому тяжесть получается двойной- не люблю Новый год, и чувствую себя ненормальной, потому что это неправильно- не любить Новый год.

Всякий раз, когда наступает декабрь, и витрины магазинов начинают пестреть яркими блестящими подарочными упаковками, возбуждая у прохожих праздничную суету и жажду чудес, у меня начинается обратная реакция. Какая-то тоска просыпается в моей душе, и с каждым днем набирая силы, отравляет предпраздничные дни. Нет, я веду

себя как и полагается нормальным людям- покупаю подарки, наряжаю елку, подбираю рецепты праздничных блюд, поздравляю своих сослуживцев и близких, но сама почему-то не верю в Новогоднее чудо. Я честно соблюдаю новогодний ритуал- под бой курантов пишу на бумажке желание, поджигаю его и съедаю, запивая шампанским. Но, пережевывая эту наивную ерунду, мое неверие в чудеса скептически ворчит, что все равно ничего не получится. Оно глотает обрывки моих мечтаний, и твердит, что завтра наступит обычный день обычного года, ничем не отличающийся от всех предыдущих, и никаких чудес не случится....

Вот и сейчас я иду по магазину, держа в руке список предполагаемых подарков родным и друзьям. Пожалуй, это самое приятное в подготовке к Новому году- выбор подарков. Сначала ты вспоминаешь человека, его привычки, его привязанности и увлечения, думаешь о нем, представляя его счастливым и удивленным, и вдруг, приходит идея подарка! Потом эта идея сидит в голове, шлифуется, перебираются ее варианты, и, наконец, она становится такой яркой, такой красочной, что ты уже точно знаешь, что это будет именно тот подарок, что обрадует твоего родного человека.

Как говорил герой комедии «Бриллиантовая рука»: «Детям- мороженое, бабе- цветы!». Я, подражая ему, четко представляя, кому что подарить, шагаю по большому торговому центру. Эти гигантские магазины притягивают и завораживают меня, я очень люблю здесь бывать. Это как отдель-

ная, большая красочная страна, наполненная людьми, красивыми товарами, запахами и звуками, обещающими радость. Суэта снующих туда – сюда людей не раздражает, а наоборот, заряжает. Оказавшись здесь, я постепенно начинаю чувствовать, что включаюсь в эту охоту за радостью, начинаю с детским любопытством заглядывать в разные отделы, разглядывать и трогать то, что выложено на витрину.

– Это как праздничная ярмарка в большом селе! – подумалось мне.

Словно в подтверждение этого откуда-то справа стали приближаться звуки музыки и голос диктора, радостно рассказывающий о прелестях какого-то выгодного предложения. Толпа любопытных посетителей уже начала приклеиваться к отделу, заинтересованно раскрыв глаза, и пытаюсь уловить смысл. Я замедлила шаг, повинаясь общему порыву, и на какое-то время впустила в себя звуки музыки и приятный голос диктора...

...Девушка стояла и слушала, как музыка барабанов и охотничьих рожков течет по поляне и заполняет собой все вокруг. Вот музыка добралась до ее ушей и потекла вовнутрь. Санда любила, когда в деревне начинался праздник. Яркие костры и песни барабанов возвещали о том, что пришло время оставить на время заботы, и позволить себе веселиться. Санда в такие минуты растворялась во всеобщей суете и громких звуках и чувствовала себя одним единым целым со всеми в большой неразберихе. Праздничные одежды

придавали жителям деревни торжественный вид, а отблески костра, отражающиеся в черных глазах и блестящих украшениях, делали картинку какой-то сказочной.

Главным персонажем на всех торжествах был шаман Вардео. Его любили и почитали в деревне. Никто точно не знал, сколько ему лет, но, казалось, что он живет вечно, потому что его лицо было покрыто глубокими бороздами морщин, голос был очень низким, идущим откуда-то из глубины. На любой вопрос шаман мог дать ответ, как будто за свою вечную жизнь он обрел вселенскую мудрость.

С момента исчезновения отца Санды шаман взял девочку под свою опеку. Сначала она побаивалась его. Жить рядом с загадочным стариком, вызывавшим дождь и видящим будущее, казалось опасным и непредсказуемым. Но постепенно Санда почувствовала под этой мистической оболочкой доброе сердце и мудрость. Старик окружил ее заботой, дал то, чего Санда лишилась по воле небес. В деревне мнения на счет Санды разделились- одни по-прежнему относились к ней как к дочери охотника, а другие- как к избранной помощнице шамана.

Сегодня большой праздник- День Духов. Обычаи предписывают принести дань Духам умерших родственников, чтобы они оберегали и помогали живущим. На поляне за деревней возвели большой костер. Шаман долго и громко пел особую песню, всем присутствующим полагалось ему подпевать. Потом все это действие заканчивалось громким ба-

рабанным боем и ритмичным танцем всех присутствующих. В это время на костре уже готовилось блюдо из большого бараана в честь Духов.

Смерть у народа, живущего в этой деревне, не была трагедией. Они считали, что уходя из этой жизни, душа продолжает свое путешествие где-то в другом месте, в другом теле, а может и в другом мире. Своих умерших торжественно с почестями провожали в далекий путь, потом укладывали тело на лодку, чтобы отправить ее вниз по реке. Но когда лодка отчаливала, выпускали десятки огненных стрел, чтобы огонь зацепился за лодку, и освещал усопшему путь.

Санда стояла на краю поляны и слушала звуки барабанов, наблюдала за танцующим шаманом и представляла, что может быть, ее отец уже давно живет где-то совсем в другом образе. А может он с небес наблюдает за ней и оберегает. Легкая улыбка тронула ее губы.

– Да, это, несомненно, так.... Пусть будет так...

Она продолжала стоять неподвижно и улыбалась, погруженная в свои мысли, посреди этого шумного людского праздника, музыки и ярких огней...

– Девушка, Вы долго будете стоять?

Этот голос вернул меня в реальность. На меня смотрел и улыбался незнакомый человек. Он явно не первый раз задал свой вопрос, и поэтому в нетерпении был готов к решительным действиям. До меня, наконец, дошло, что я «зависла», загипнотизированная музыкой и голосом диктора пря-

мо посреди прохода в отдел бижутерии, и видимо, мешала этому человеку попасть внутрь.

– Извините, – пробормотала я, пытаясь одновременно сориентироваться в действительности, улыбаться, и «отклеиться» от этого места. Улыбка получилась кислой, потому что в голове еще били бубны, и голос шамана допевал песню Духам. В это время ввалилась очередная порция покупателей, протолкнув меня и мужчину в салон. Я почувствовала, что мое лицо становится красным, то ли от смущения, то ли от духоты, то ли от ярких отблесков костра, пылающего в моем видении.

Надо сказать, что провалы в мир Санды случаются внезапно и независимо от моего сознания. Сначала это было забавно, это было похоже на приключения. Раз, и я вдруг вижу совсем другой мир, где я главная героиня Санда. Как в компьютерной игре, где игрок, надев специальные очки, оказывается в виртуальной действительности, которая настолько реальна, что даже сомнения не возникает в ее существовании. Иногда чувства и ощущения, пережитые мной в образе Санды, были несколько непривычными, и даже шокирующими для меня. Иногда я не сразу «возвращалась» в реальность. Наверное, со стороны это выглядело комично или, по крайней мере, глупо.

Все эти размышления вереницей неслись в моей голове, пока я, прижатая к нетерпеливому мужчине, вплывала в царство колец и ожерелий. Наконец давление со стороны

ослабло, и появилась возможность обрести независимость, и я, подняв на него глаза, выпалило первое, что мне пришло на ум:

– Вы, наверное, подарки выбирать? С наступающим Новым годом!

– И Вас с праздником!

Он улыбнулся по-детски открыто и добродушно. На секунду наши глаза встретились, а в следующую секунду уже разошлись. Он, повернувшись, вышел из зоны притяжения моей вселенной. Что-то екнуло или тренькнуло, или щелкнуло где-то внутри меня. В суматохе я этого не заметила, это было так скоротечно, что мозг даже не отреагировал на этот щелчок. Но позже, вечером, когда я, усевшись на диване, раскладывала подарки по коробочкам, неожиданно эти глаза мелькнули в моей памяти.

Карие, почти черные, настолько черные, что, кажется, нет предела их глубине, эти глаза показались мне знакомыми. В них не было злости или нетерпения, не было насмешки или недовольства, в них было спокойствие, уверенность и искра озорства. Я улыбнулась, вспомнив нелепую ситуацию в магазине, и зажмурилась, пытаюсь еще раз увидеть эти глаза. Вот тут я и осознала, что в тот момент, когда я встретила глазами с незнакомцем, щелчок был.

Кому под Новый год не хочется чудес? Даже самые махровые скептики, оставшись наедине с самим собой, тайком загадывают желания. Я тоже загадала – увидеть еще раз

эти знакомые глаза. Ну, может хоть на этот раз Дед Мороз не подкачает?

– Что за глупость? – рассуждала я сама с собой, – Как они могут быть знакомыми? Просто он похож на какого-то моего знакомого. Ерунда, нет у меня знакомых с такими глазами! Наверное, такие глаза я видела у артистов в кино. Он просто похож на индейца из какого-то фильма! Глазищи черные, того и гляди провалишься! Вот это глазища... Бусы и кольца он покупает! Тоже мне, индеец! Эх, Дед Мороз...

Предновогодние дни понеслись с удвоенной скоростью. Уходящий год торопился ускользнуть в вечность, оставив в наших сердцах разноцветные воспоминания- кому радостные, солнечные, а кому серые тоскливые.

На горизонте уже нарисовалась перспектива встречать Новый год с подружками, такими же «свободными», как и я. Это мы договорились так себя величать, ведь «свободная» звучит лучше, чем «одинокая».

Так вот, три совершенно свободных все еще молодых красавицы по телефону обсудили меню, наряды, распределили покупки и место сбора на новогоднее торжество. Празднуем у Светки, у нее квартира двухкомнатная, и не на окраине города, при желании можно будет погулять.

Мне досталась обязанность приготовить традиционную «селедку под шубой». Эта любовь к селедке у нас с подругами поразительно стойкая! Всякий раз на нашем столе появлялись то одни, то другие кулинарные новинки, поражавшие

своим внешним видом или вкусом, но к селедке свою преданность и любовь мы верно хранили.

Шеф великодушно объявил 31 декабря сокращенным рабочим днем. Хотя он, как и все начальники, понимал, что накануне Нового года и так никто не работает, все только делают вид, что работают. На самом деле все поздравляются с наступающим праздником, и по телефону диктуют списки покупок тем, кому удалось пораньше улизнуть с работы.

Наконец пришел час покинуть рабочее место. У меня есть два дела- заехать в супермаркет за селедкой, и второе – поздравить маму с праздником. Это обязательный пункт в уходе в следующем году.

Мастерски прилепив свой автомобиль на боку огромного сугроба, я вошла в магазин, сразу взяв курс в рыбную гастрономию. До полуночи оставалось еще достаточно времени, чтобы и селедку, и себя приготовить к Новому году.... Будем этакие соблазнительные красавицы за столом- я, Светка, Илиза и селедка! Вот умора! Мы в вечерних платьях, а селедка – в шубе! Она – круче!

Я представила своих подруг, предстоящий Новый год и на душе разлилась благодарность с легкой грустью. Мы дружим уже, бог знает, сколько лет! Познакомились, когда было по восемнадцать, а нам уже под сороковник! За это время СССР развалился, капитализм построился, холодная война закончилась и снова началась, а мы дружим! И пусть после этого не говорят, что женской дружбы не бывает! Бы-

вает. Мы – тому доказательство. Я выпятила грудь от гордости и уставилась на многочисленные рыбки тушки в витрине. Слюна предательски потекла, не дав подумать о той легкой грусти, которая накатила вместе с благодарностью к подругам.

– Ладно, – согласилась я, – Я подумаю об этом завтра. Прямо как Скарлетт ОХарра! Проглотив слюну, я полностью сосредоточилась на лоснящихся рыбьих боках.

Надо сказать, что эта красавица, я имею ввиду, Скарлетт, а не селедку, довольно часто выручает меня в жизни. В нужный момент она появляется в моей голове и не дает расклетиться или расчувствоваться по всяким, мало уважительным причинам. Ну, что, например, толку в том, что я буду переживать из-за того, что в мороз не завелась машина, и я опаздываю на работу? От того, что я буду ехать в автобусе и терзаться угрызениями совести или мучиться представлениями нагоняя от шефа, ситуация не изменится. Автобус вдруг не полетит, стараясь обогнать время. А вот моя драгоценная энергия и самочувствие – пострадают от этих терзаний. Обычно в такой ситуации Скарлетт в моей голове говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.